

МИФ КАК ЖИЗНЬ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ МИФА КАК БЫТИЯ И БЫТИЯ В МИФЕ

УДК 165.9

DOI: 10.35103/SMSU.2022.26.36.002

АРХЕОЛОГИЯ МИФА (МИФОТВОРЧЕСТВО В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ)

Найдыш Вячеслав Михайлович

Российский университет дружбы народов (г. Москва, Россия)

Аннотация

Как универсальная культурная форма мифотворчество характеризуется воспроизведением принципиально не интерпретируемых обобщений на основе конкретно-чувственной образности. Его эволюция определяется ростом операциональной активности субъекта, когда операции над образами сами становятся объектами (операндами) для операций более высокого уровня. Можно выделить четыре исторических типа мифотворчества. Первый тип – первобытное мифотворчество. Операндами мышления здесь выступают исключительно чувственные образы, мыслительные операции здесь не стали предметами воздействия для других операций. Поэтому субъект не обладает способностью соотносить себя с объектом; не осознает себя как носитель сознания. Второй тип формируется в ходе неолитической революции, становления цивилизации. Активно-деятельное отношение к миру требует от субъекта умения мысленно перестраивать свое отношение к объекту. Возникает абстрактно-понятийное мышление, преодолевается идентификация реальности с содержанием сознания. Все три «сущностные силы» мифа (обобщенное представление, повествование, обрядово-ритуальный момент) находят свое продолжение в фольклорном, мифопоэтическом, эпическом, религиозном творчестве и др. Особую роль здесь приобретает тайнотворчество. Третий тип мифотворчества характерен для сознания новоевропейской эпохи Модерна. Условия для воспроизводства форм мифотворчества здесь складываются на основе незлиминируемости в процессе познания характеристик субъекта, необходимости учета его конкретно-исторических и социально-психологических особенностей. Мифоподобные структуры воспроизводятся в художественно-литературных образах, нравственных идеалах и оценках, политических идеологиях и программах (включая утопические), через возрождение архаики в обыденном сознании, религиозном мировосприятии, в СМИ, рекламе и др. Четвертый тип мифотворчества характерен для духовной культуры постмодерна. Личность постмодерна, мотивации которой задаются обществом потребления, не стремится вносить в процесс познания поправки на особенность своей позиции по отношению к объекту. Ее устраивает, что образ объекта «растворяется» в чувственно-эмоциональной сфере. Поэтому сознание постмодерна характеризуется возвратом от абстрактно-понятийного к наглядно-образному, эмоционально насыщенному, «клиповому» отражению, т.е. по сути, к мифологическому восприятию мира.

Ключевые слова: миф; сознание; образ; восприятие; операции; мышление; знания; ценности

**THE ARCHAEOLOGY OF MYTH
(MYTH-MAKING IN ITS HISTORICAL DEVELOPMENT)**

Naidysh Viacheslav Mikhailovich

Peoples Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Abstract

As a universal cultural form, myth-making is characterized by the reproduction of generalizations that are not interpreted in principle on the basis of concrete sensory imagery. Its evolution is determined by the growth of the operational activity of the subject, when operations on images themselves become objects (operands) for higher-level operations. There are four historical types of myth-making. The first type is primitive myth-making. The operands of thinking here are exclusively sensory images, mental operations here have not become objects of influence for other operations. Therefore, the subject does not have the ability to relate itself to the object; it is not aware of itself as a carrier of consciousness. The second type is formed during the Neolithic revolution, the formation of civilization. Active-active attitude to the world requires the subject to be able to mentally reconstruct their attitude to the object. Abstract-conceptual thinking arises, and the identification of reality with the content of consciousness is overcome. All three "essential forces" of myth (generalized representation, narrative, ritual-ritual moment) find their continuation in folklore, mythopoetic, epic, religious creativity, etc. Secret-making plays a special role here. The third type of myth-making is characteristic of the consciousness of the New European Art Nouveau era. The conditions for the reproduction of forms of myth-making here are formed on the basis of the non-determinability in the process of cognition of the characteristics of the subject, the need to take into account its specific historical and socio-psychological characteristics. Myth-like structures are reproduced in artistic and literary images, moral ideals and assessments, political ideologies and programs (including utopian ones), through the revival of archaism in everyday consciousness, religious worldview, in the media, advertising, etc. The fourth type of myth-making is characteristic of the spiritual culture of postmodernity. The postmodern personality, whose motivations are set by the consumer society, does not seek to make corrections in the process of cognition for the peculiarity of its position in relation to the object. She is satisfied that the image of the object "dissolves" in the sensory-emotional sphere. Therefore, the postmodern consciousness is characterized by a return from the abstract-conceptual to the visual-figurative, emotionally saturated," clip " reflection, i.e., in fact, to the mythological perception of the world.

Keywords: myth; consciousness; image; perception; operations; thinking; knowledge; values

Введение (Introduction)

Отечественная и мировая духовная культура первой четверти XXI в. характеризуется накатом исторической волны мифологизации сознания. В повседневной жизни возрождаются казавшиеся давно исчезнувшими языческие суеверия, мифология, магия, колдовство и др. Даже такой оплот рационализма как наука оказался под сильнейшим неомифологическим прессингом, результатом чего явилось квазинаучное мифотворчество [14]. В общественном сознании возрождается архаическое ощущение тотальной мистериальной зависимости человека от внешнего мира. Множатся разного рода «тайные» общества, культы, секты и др. Мифологическое и мистериальное все в большей мере пронизывают сферы СМИ, рекламы, быденное, политическое сознание и др. Растет активность

закулисных структур политического процесса, в котором идеологические призраки, химеры все чаще наделяются реальным существованием [10; 12]. Периодически вспыхивают международные скандалы, раскрывающих отдельные страницы политического закулисья [6]. Вместе с тем, обостряются проблемы информационной безопасности (т.е. надежности обработки, передачи, хранения государственной, коммерческой, личной информации). Их прояснение предполагает решение целого комплекса междисциплинарных задач, среди которых задачи как прикладного (технологических, организационных, политических), так и теоретического характера, включая сюда не только совершенствование математического программирования, средств алгоритмизации и др., но и вопросы философского плана. В этих условиях закономерно оживление интереса к философским вопросам о природе мифотворчества, его исторических типах и формах («археологии» мифотворчества), связи мифологического и мистериального и др. Ключевой вопрос этой проблематики – основания мифотворчества. Принадлежат они исключительно первобытной культуре или несут всеобщий, универсальный характер?

Методы (Methods)

Анализ показывает, что (при всем многообразии точек зрения) есть основания для утверждения об универсальности мифотворчества как особой формы сознания [11]. Мифотворчество – это не оставшийся в древности тип мировоззрения, а универсальная форма сознания, представленная в истории культуры различными модификациями. Такая форма сознания может быть охарактеризована следующими чертами.

Во-первых, продуцированием и воспроизведением обобщений на основе конкретно-чувственной образности.

Во-вторых, тем, что такие обобщения принципиально не интерпретируемы, т.е. отношение их содержания к условиям (объективным или субъективным) их возникновения самим субъектом не осознаются, не объясняются, находятся вне поля его рефлексии.

В-третьих, любой продукт мифотворчества есть единство знания и переживания действительности.

В-четвертых, мифотворчество является объектом волевого самоопределения субъекта, характеризуется наличием явно выраженной заинтересованности в нем субъекта. Основания такой культурной универсалии кроются в глубинных закономерностях деятельности сознания, а их раскрытие представляет собой интереснейшую проблему, возникающую «на стыке» «логических пространств» гносеологии, психологии познания, истории духовной культуры, сравнительно-исторического языкознания, философии религии и др.

На наш взгляд, прояснение этой проблемы базируется на следующих предположениях. Хотя чувственный образ выступает в синкретическом единстве с его личностным смыслом, тем не менее, миф – это прежде всего форма *знания*. Причем, форма знания особая, которая содержит в себе и чувственно-образные, и абстрактно-понятийные компоненты. Любой миф содержит в себе признаки качественного перехода от чувственно-образного к абстрактно-понятийному уровню познавательной деятельности, *переходной фазы* от образа к мысли. Такой качественный переход (реализующийся как в онтогенезе, так и в филогенезе) от чувственного к рациональному знанию, от образа к мысли является закономерным результатом мыслительной деятельности.

Итак, основания мифотворчества надо искать в закономерностях качественного перехода от чувственного к рациональному уровню познания, в тех структурных и функциональных перестройках познавательного процесса, с которыми связан такой переход. Другими словами, мифотворчество и мышление – это две дополняющих друг друга формы активности сознания, в которых выражается переход от образа к мысли, от образно-перцептивного к абстрактно-понятийному отражению мира. Это значит, что исторические формы мифотворчества тесно связаны с закономерностями эволюции мышления.

Литературный обзор (Literature Review)

Мышление – опосредованное и обобщенное отражение действительности. Оно нацелено на выделение отношений между предметами, объектами, вещами, а не на отражение объектов самих по себе – для такой задачи достаточно перцептивного образа.

В классических направлениях гносеологии и психологии XIX–XX вв. проблема качественного перехода от наглядно-чувственного к опосредованному абстрактно-понятийному отражению получала различные решения. В них мышление либо редуцировалось лишь к чувственно-образным формам (например, бихевиоризм, гештальт-психология и пр.), либо интерпретировалось как безобразное, внечувственное (например, вюрцбургская школа). Кроме того, господствовало представление, что такой переход детерминируется исключительно социально-культурными факторами (практика, трудовая деятельность, общение и др.). Главная проблема здесь состоит в том, что переход от образа к мысли не предполагает формирование какой-то самостоятельной психической формы, продолжающей чувственно-образный ряд: ощущение, восприятие, представление. Для выхода за непосредственные границы опыта необходимо выработать определенные способы воздействия на чувственный образ.

Во второй половине XX – начале XXI вв. теоретический контекст проблемы перехода от образа к мысли существенно расширился за счет психологических и эпистемологических концепций, в которых формирование мышления рассматривается в контексте биологической эволюции, принципа деятельности, информационных и операциональных моделей интеллекта и др. [3; 9; 15; 16; 17 и др.]. Сформировалось представление, что переход от образа к мысли состоит в активном преобразовании субъектом чувственной образности средствами операционального воздействия на образ. Такие средства извлекаются из самой же образности и фиксируются знаками языка [3]. Переход от образа к мысли предстает как становление системы взаимодействия операндов (то, на что направлена операциональная активность субъекта – чувственные образы, первичные и вторичные, их фрагменты, их сочетания, абстракции, идеализации и др.) и операций над ними. Становление такой системы направляется не только социально-культурными (практикой, трудовой деятельностью, общением), но и природно-биологическими детерминантами.

Итак, для выхода с помощью мышления за непосредственные границы опыта, необходимо выработать способы операционального воздействия на чувственный образ, которые могут быть извлечены только из самого образа, из его образной ткани. Это возможно с помощью языка, его символизма, обозначения отдельного образа и отдельной операции над содержанием образа (а впоследствии и над самой операцией) отдельным словом (знаком). Мышление возникает как процесс воздействия на чувственные образы с помощью операций, извлекаемых из

самой же образности и фиксируемых знаками языка. Такие операции позволяют вычленять вплавленные в чувственные образы объективные отношения, и выражать их в логико-грамматических формах. Это значит, что мышление можно представить как двухуровневую систему, неразрывно связанную с языком, который является знаковым носителем и образных и операциональных сторон мыслительного процесса.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Предпосылки мышления формируются еще на уровне биологической эволюции, в системе сенсорно-перцептивного отражения (восприятие, представление). Восприятие – не одноразовый акт, а сложный активный циклический процесс. Оно носит активный, циклический характер, реализуется через выдвижение и проверку гипотетических «структурных схем» [2]. Активность восприятия направлена на четкое и ясное отграничение в объекте инвариантного и вариантного, «фигуры» и «фона», в конечном счете, существенного, закономерного и случайного, второстепенного. Восприятие начинается с пространственной локализации предмета, затем специфицируются общие очертания предмета (фигура) и выделяются внутренние детали, индивидуальные черты предмета. Это требует подключения памяти и внимания, а значит, процесс восприятия опосредован результатами предшествующего опыта. Такой опыт сам по себе достаточно сложен. Он включает в себя накопленный эволюцией видовой опыт, а также индивидуальный опыт, накопленный в процессах научения. (На уровне приматов он может быть представлен элементарными рассудочными процессами, т.е. категоризациями и схематизациями и др.). Поэтому перцептивный образ отражает и общие (родовые) свойства предмета, и его индивидуально-неповторимые свойства, в том числе и такие, которые раньше отсутствовали в познавательном опыте субъекта, т.е. новое знание. Важно и то, что перцептивный образ субъектоцентричен. Субъект участвует в восприятии как целое, включая систему его потребностей, в которых выражается зависимость организма от окружающей среды. Сенсорно-перцептивное отражение вплетено в акты повседневной жизнедеятельности субъекта и несет на себе их смысловой отпечаток [1]. Более того, само восприятие является важнейшей потребностью субъекта. На уровне человека восприятие – важное звено в цепи его потребностно-мотивационных отношений к миру.

Принципиальная возможность раздвоения перцептивного процесса на два уровня – предметный и операциональный складывается еще на уровне биологического мира. Так, у высших млекопитающих, обладающих объемным, пространственно-оптическим восприятием, быстрое перемещение в пространстве требует умения не только оценивать расстояние до объекта, но и в любой момент вносить коррективы в такую оценку. Иначе говоря, формируется способность направленно воздействовать на перцептивный процесс, соотносить в нем исходные, промежуточные и конечные звенья. На такой основе формируются когнитивные способности антропоидов – к видовому обобщению (выделению общего признака в наглядных представлениях конкретных объектов определенного типа и способность к переносу выработанной реакции на иные объекты того же типа), родо-видовому обобщению (переносу правильных обобщений на стимулы других типов и модальностей), группировке стимулов по тем или иным свойствам (категоризация), символизации (использованию знаков вместо реальных предметов, стимулов). Мышление возникает как результат превращения

выделенных из образа абстракций в операции над самим образом. Это длительный исторический процесс. На ранних этапах антропосоциогенеза процессы абстрагирования, обобщения выражались лишь устойчивыми связями чувственных образов, не носили операциональной функции, т.е. не были способны преобразовывать содержание образов. Другими словами, в это время абстрагирование еще не стало независимой от содержания образа операциональной процедурой. Устойчивые мыслительные операции зарождаются как дериваты предметного действия. Мыслительные операции возникают на основе предметных операций человека с материальными вещами, как продолжение и дополнение предметных операций психическими структурами (восприятие, представление, воображение, память и др.), сопровождаясь сначала внешней (громкой), а затем внутренней речью. Из этого следует, что в период своего формирования мышление было предметно-действенным, непосредственно вплетенным в акты предметных действий. Объективные отношения вещей обобщались в форме устойчивых, повторяющихся предметных действий. Мыслительные операции носили характер внешнего предметного действия. Иначе говоря, обобщающее предметное действие – субстанциальная основа мыслительных операций. Данный этап хронологически соотносится с эпохой нижнего палеолита.

Постепенно образная и операциональная составляющие когнитивного функционала сознания разделяются. Такое разделение создает условия для выделения мышления и мифотворчества как отдельных когнитивных процессов. Их различие определяется двумя главными обстоятельствами. Во-первых, мышление опирается на операциональную составляющую когнитивного функционала, а мифотворчество – на образную. Во-вторых, мышление и мифотворчество имеют различную нацеленность. Мышление предстает как двухуровневая (операндно-операциональная) система, которая нацелена на выделение и извлечение мыслительными операциями (анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение и др.) из чувственных образов отдельных отношений вещей, которые содержатся в чувственном образе, «вплавлены» в него. Эволюция мышления в конечном счете определяется ростом операциональной активности субъекта. Операциональный состав мышления исторически обогащается, вырастает в иерархически организованную систему (от частных до всеобщих, генерализированных операций), подвергается селекции, постепенно отбираются наиболее употребляемые, адаптированные и адекватные операции и их комплексы. Мышление функционирует не только через межуровневое взаимодействие между образами, с одной стороны, и операциями, знаками, но и через взаимодействие образов, абстракций, операций и др. в пределах каждого уровня. Это обстоятельство и является основой мифотворчества.

Мифотворчество – это фаза мыслительного процесса, когда операндами (т.е. то, на что направлена операциональная активность) выступают образы и только образы. Сами мыслительные операции здесь еще не стали операндами (т.е. предметом воздействия) со стороны других операций. Предметом мысленного оперирования является лишь образ объекта, его свойства, но не отношения объекта к субъекту. Здесь субъект либо еще не умеет, либо не хочет мысленно преобразовывать ту систему координат, в которой он находится, и вносить в результат познания поправки на особенность своей позиции. Поэтому границы «мыслительного поля» мифа определяются не содержанием объекта, а особенностями субъекта, его физиологическими, психологическими,

социокультурными (в том числе и той знаковой системой, которой он кодирует значение абстракций) характеристиками. Закономерности развития образно-операционального взаимодействия когнитивного функционала сознания являются основанием и для выделения исторических типов мифотворчества.

С возникновением мышления человек открыл для себя новую реальность – связи, отношения вещей, лежащие за пределами непосредственного чувственного восприятия («сущностная реальность»). Совершенствование орудийной деятельности в палеолитическую эпоху (от однозвенной к многозвенной, составным и специализированным орудиям, приспособленным не к объекту, а к человеку и др.) являлось средством расширения границ такой реальности и решающим критерием «нижнепалеолитической революции». При этом, ниже- и среднепалеолитический этап культурного развития характеризуют как экстенсивный. «Мыслительное поле» здесь узко направленно, мало вариативно, прямо ограничено предметным действием. Важная особенность ниже- и среднепалеолитических культур – неравномерность их развития, возвратно-поступательный характер. Изобретения и новации периодически утрачивались и приходилось все начинать заново. Нижнепалеолитический человек неоднократно оказывался в состоянии т.н. «бутылочного горлышка», после катастроф оставалось незначительное количество представителей видов *Homo* [18; 19]. Ситуация изменилась только в верхнем палеолите, переход к которому «вполне закономерно рассматривать как завершение фазы экстенсивного развития культуры и начало фазы развития интенсивного. Наиболее существенным отличием верхнепалеолитической культуры от культуры всего предшествующего периода являются не столько какие-то конкретные инновации, сколько динамизм в целом» [4, с. 245]. Здесь вектор культурной динамики направлен не только на совершенствование орудий труда, но и на развитие сознания, духовного мира, т.е. то, перед чем остановились неандертальцы.

Уже в эпоху среднего палеолита (мустье и др.), по мере возрастания роли (вместо жестового) звукового языка, происходит интериоризация мышления. Это значит, что выражение обобщенного знания реализуется внутренней речью, т. е. уходит во внутренний план. Теперь мыслительные операции могут выполняться человеком независимо от предметных операций, т.е. идеально. С этого времени связь мышления с его предметно-действенными истоками выходит за границы прямого чувственного опыта, становится опосредованной. Иначе говоря, мыслительные операции приобретают автономность по отношению к содержанию чувственных образов, налаживается устойчивое взаимодействие сенсорно-перцептивного и операционального уровней мыслительной системы. Здесь мысль как отражение отношений вещей формируется в результате идеальных операций над образами. С этого времени начинается собственно мифологический период в развитии мышления. Его исторически первый этап – первобытная мифология.

Верхнепалеолитическое сознание не следует полностью отождествлять с мифологией. Миф – это его высший слой, некий до(вне)теоретический способ обобщения, систематизации большого массива первобытных стихийно-эмпирических знаний [13]. Первобытное мифотворчество – это иерархически организованная система обобщенных наглядных образов, в которой мысль облечена исключительно в чувственно-образную форму. Первобытный миф есть одновременно и система развернутых наглядных образов, и определенное повествование о прошлом; причем таком прошлом, которое субстанциально

содержится в настоящем. Первобытная мифология – это допонятийное мышление образами. Операндами (т.е. то, на что направлена операциональная активность) здесь выступают образы и только образы. Мыслительные операции здесь еще не являются предметом воздействия для других операций. Поэтому субъект еще не обладает способностью соотносить себя с объектом, не осознает себя носителем сознания, не включает себя в процесс познания. Отношение субъекта к объекту здесь «не децентрируется в объективной системе», не попадает в поле мыслительного оперирования и «растворяется» в чувственно-эмоциональной сфере, в ощущениях, переживаниях субъекта. Это придает первобытной мифологии эгоцентрический характер.

Вместе с тем, первобытное мышление позволяло выявлять отдельные впаянные в образы объективные отношения, связи вещей. В том числе судить и о тех сторонах действительности, которые в образе представлены не в качестве главных («фигура»), а в качестве второстепенных («фон»), сопровождающих, случайных. Поэтому не прерывалось накопление первобытных рациональных знаний [13]. Кроме того, субъект первобытного мифотворчества формируется родовой общиной, где определяющими были кровнородственные отношения. Миф выступал обобщением коллективного опыта рода. В мифе мир предстает общинно-родовой организацией, как живое, одушевленное существо, живущее по законам родовой общины. Первобытная мифология выступала духовной основой социальных институтов первобытного общества, средством их обоснования. В мифах кодифицируются традиции, нормы морали, верования, социо-нормативные регуляторы, благодаря мифам получают свой смысл ритуалы, обряды, практические руководства и др.

Операциональное расчленение и преобразование чувственного образа центрируются субъектом, поэтому в первобытном мифе не разграничиваются субъективные и объективные отношения познавательной ситуации, объект и его образ в сознании субъекта; объект и мысль о нем. Здесь любые образы трактуются им «как сама объективность»; миф не репрезентирует реальность, он ее идентифицирует с содержанием сознания. Отсюда и зыбкая переходная грань между «реальностью» и сновидением, жизнью и смертью, материальным и идеальным, вещью и словом, вымыслом и действительностью, правдой и «поэзией», истинным и кажущимся, вещью и ее свойствами; «представляемым» и «реальным», желанием и его исполнением. Первобытный миф не дифференцирует меру реальности, ступени объективации, которые различаются абстрактно-понятийным мышлением. Он не знает фиксированных границ, твердо определенных порядков, предметов, подчиняющихся неизменным законам; не способен к нюансировке оценок и значений понятий, к различению закономерных и случайных сторон объектов, к проведению твердых границ между действительным миром и миром воображаемым, что влечет за собой «оборотничество» – превращение любой вещи (любого существа) в любую другую вещь (существо), в конечном счете, «всего во все». Первобытный человек, с одной стороны, антропоморфизует природу (олицетворение природы, ее очеловечивание, персонализация), а с другой, не выделяет себя из природы, рассматривает себя как природное существо – ему присуще смутное чувство родства с отдельными видами животных, растений и даже неодушевленной природы (тотемизм).

Таким образом, именно «недецентрированность» (эгоцентризм) первобытного мифотворчества порождает те ее необычные черты, которые долгое время не получали своего объяснения. Среди них: неразличение объекта и его образа в сознании субъекта (объекта и мысли о нем, вымысла и действительности, правды и «поэзии» и др.); то, что сам миф не осознается как субъективная реальность и выносится вовне, в мир, в объективную реальность (поэтому надетая на лицо маска для первобытного человека в действительности и есть то животное или демон, которое она изображает); абсолютная не критичность мифа; антропоморфизм; невыделенность субъекта из природных связей и отношений (тотемизм) и др. Кроме того, поскольку пространственные, временные, количественные и другие отношения здесь носят наглядно-образный характер, то миф внутренне синкретичен, гомогенен и не дифференцирован. Бытие в мифе сплавлено в единое конкретно-образное целое; для него характерно сращение, сплавление, совпадение связей, отношений элементов образов; неразличимость вещей и их отношений. Здесь часть и целое, случайное и закономерное, единичное и множественное в образе не различаются; объект выступает как синкретическое целое. Миф не разграничивает прошлое, настоящее и будущее и потому не ищет в природе нового; миф живет всецело настоящим объекта, он не имеет когнитивных средств для «выхода» за границы непосредственных жизненных ситуаций и представлений о них. Свойства, отношения, связи, процессы в мифе овеществляются. Поэтому в мифе реальные отношения вещей заменяются образами духов, демонов, богов (анимизм). Поскольку миф не выделяет качественно своеобразных предметных областей, то взаимодействие в нем понимается как переход, «перелив» вещных, субстратных свойств одного объекта в другой.

Первобытная абстракция опосредует и обобщает образ, но она еще не способна двигаться по «внутренней логике» объекта отражения, по системе его закономерных, сущностных связей. Поэтому объект может осмысливаться только по одному (или нескольким) (чаще всего несущественным) его свойствам, отсутствует согласованность объема и содержания образных структур, выделение логических отношений. Мифомышление носит трансдуктивный (а не индуктивный или дедуктивный характер) характер; для него характерна неполнота обратимости логических операций, нечувствительность к логическим противоречиям и др. Логический класс в принципе не может быть выделен на уровне лишь оперирования образами; логические связи еще не выделяются, и поэтому индуктивное и дедуктивное движение мысли попросту невозможно; здесь мысль может двигаться только в пределах образного оперирования единичными случаями (трансдукция). Поэтому для мифомышления свойственна неполная обратимость логических операций, нечувствительность к логическим противоречиям, неполнота инвариантности образов (мысль способна воспроизводить инвариантные отношения между объектами, но не инвариантные отношения внутри самих объектов, т.е. в сфере сущности).

Мифомышление вносит порядок в мир восприятия, опираясь не на логические (всеобщие, категориальные) структуры, а на устойчивые наглядные представления об участии предметов в практической ситуации, т.е. на основе личного опыта предметного взаимодействия с объектом [8]. В качестве основы обобщения выступают – подражание, аналогии; допускается определение предмета по одной его несущественной характеристике.

Миф закономерно соотносится с языком, который является средством выражения содержания мифообразов, их систематизации, а также средством разложения чувственного образа на абстракции. Повторяющиеся отношения повседневно-жизненного опыта в мифе воспроизводятся в виде устойчивых комплексов наглядных образов, что порождает закономерную связь мифа с метафорой. Ведь обозначение в мифе абстрактных отношений может осуществляться лишь через соотношение двух (и более) наглядных образов, т.е. через конкретные признаки явлений. Существование языка возможно при наличии таких простейших мыслительных действий как классификация, категоризация предметов природной и социальной среды и др.

Верхнепалеолитическое сознание исторически преемственно с предметно-действенным мышлением нижнего палеолита. Преемственность проявляется в связи первобытного мифа с ритуалом, обрядовыми действиями, магией. Ведь если в мифе образ вещи не представляет данную вещь, а «является» ею, то значит, он способен непосредственно заменять данную вещь во всех ее проявлениях. В этом коренятся основания магических практик, т.е. попыток воздействия на вещь через предметные операции с ее образом (словом, именем, копией и др.). В основании отдельных видов магии лежат различные черты первобытного мифотворчества. Так, из неразграничения в мифе части и целого (части представляются как целое и отождествляются с ним) рождается вид магии, который предполагает: то, что после разъединения целого происходит с одной его частью, одновременно происходит и с любой другой его частью. Многие виды магии порождены тем, что миф не знает случайности, он гипертрофирует детерминизм; и поэтому всякое соприкосновение (в пространстве и во времени) непосредственно воспринимается как причинно-следственная связь. Миф выступал и как способ объяснения ритуальных действий, и как их звено, важный фактор. Так, например, сопровождая «обряды перехода», миф выступает способом психологического сглаживания критических, переломных состояний человеческой жизни (амбивалентное отношение к родителям, инициации, смерть родичей и др.) [5].

Для понимания первобытного мифа важно учитывать, что он нес в себе не только знание, но и переживание мира. Он сопровождался открытыми эмоционально-аффективными состояниями, которые выступали (в том числе) средством оживления и поддержки родовых чувств сопричастности и солидарности. Причем, переживание не осознавалось как субъективная реальность. Миф – это образная объективация эмоций, которые выносились вовне, в мир, в природу. Реальные связи и отношения вещей в мифе отражаются путем объективации эмоциональных состояний субъекта. Иначе говоря, миф не дифференцирует объективные моменты образа и его субъективно-эмоциональное его сопровождение. Поэтому в мифотворчестве значительную роль (большую, чем в современном сознании) играли бессознательные процессы, прямо насыщавшие эмоционально-аффективную составляющую образов мифа. (Это придает мифам черты сходства со снами, видениями, продуктами спонтанной бессознательной фантазии). Бессознательные ограничители аффективной составляющей мифообразов – бинарные оппозиции. Они определяют содержание, тематику, сюжетные линии систем первобытной мифологической образности. Снятие противоречий бинарных оппозиций осуществляется через выявление медиаторов, т.е. опосредующих звеньев между противостоящими полюсами оппозиций [7]. Повествовательное развертывание мифологического сюжета, в частности,

базируется на том, что медиаторы могут вводиться неоднократно (первой, второй и других степеней).

Эволюция мифологического мышления осуществлялась в направлении избавления от субъективных ограничений, накладываемых на процесс познания и выделения все более широкой области объективных отношений. Рост практической активности субъекта предполагал совершенствование способов децентрации идеальной модели объекта. Т.е. операции над образами все в большей мере становились операндами для операций более высокого уровня. На этом пути осуществлялся отбор наиболее общих операций, в которых отражаются универсальные отношения в системе «мир-человек» (т.е. имеющих категориальный смысл). Результатом явилось исчерпание в эпоху неолитической революции первобытного мифотворчества и становление абстрактно-понятийного мышления, переход от Мифа к Логосу. Эти глубинные трансформации сознания не повлекли за собой элиминирования мифотворческой способности сознания. Она проявляла себя формированием исторических типов мифотворчества.

В течение многих эпох сознание порождает структуры, которые своими отдельными чертами напоминают первобытный миф. Это происходит тогда, когда субъект не стремится вносить в результат познания поправки на особенность своей позиции по отношению к объекту, его устраивает, что перцептивная образность «растворяется» в чувственно-эмоциональной сфере, в его переживаниях, скрывающих смыслы, интересы и мотивы его деятельности. В повседневности немало ситуаций, когда субъект не нуждается (а часто и не заинтересован) в том, чтобы вносить в результат познания поправки на особенность своей позиции по отношению к объекту. В результате формируются неинтерпретируемые (либо плохо интерпретируемые) формы знания. Мифоподобные структуры порождаются образным складом мысли, который не отвлекается от конкретных форм жизни и всякую абстракцию низводит до их уровня. Так, мифоподобные структуры порождаются формами художественного сознания, в которых индивидуальные черты образа, объясняющего некоторое явление, переносятся «в само явление». К мифологической реальности относятся также виртуальные состояния сознания, для которых характерно самостоятельное оперирование эмоционально-психологической составляющей реального действия. Таким образом, мифотворчество не сводится только к первобытной мифологии. Мифотворчество не осталось в далеком прошлом, а в преобразованных формах оно воспроизводилось в различных социально-культурных условиях, образуя исторические типы мифотворчества. Поэтому нужно различать первобытную мифологию и ее производные исторические модификации. Рассмотрим исторические типы мифотворчества детальнее.

Второй исторический тип мифотворчества сложился в ходе неолитической революции, в процессе становления цивилизации. Переход от присваивающего к производящему хозяйству радикально изменил все стороны жизни родовой общины – производство, общение, сознание, культура. Возникло общество, разделенное на классы, с частной собственностью, с системой политической власти, идеологией, духовным производством и др. Цивилизация – это институционализированный социум, на уровне которого человек получает возможность превращать знание объективных законов мира в условие своей жизнедеятельности. Субъект становится инициативным полюсом в системе

отношений «мир-человек». Деятельность проектируется в будущее. Образ будущего становится моментом жизненной повседневности.

Сознание разворачивается к сущностным отношениям природных форм, что требует умения мысленно перестраивать свое отношение к объекту, постигать вещи, предметы в их закономерных, сущностных характеристиках. Для этого необходимо мысленно перестраивать свое отношение к объекту. Иначе говоря, необходимо сформировать способность операционального воздействия на сам операциональный состав мышления. Только при этом условии субъект способен занимать по отношению к предмету познания более общую и, в конечном счете, объективную позицию. Появляется возможность выделять инвариантность родовых и видовых признаков объекта, устанавливать логические родовидовые отношения, образовывать понятие, которое воплощает в себе уже не обобщенный образ, а логический класс, достигая согласования содержания и объема понятийной мысли, выстраивать иерархичность понятий, формировать индуктивно-дедуктивный строй мысли, обеспечить полноту обратимости операций, чувствительность к противоречиям и др. В итоге, сознание приобретает активно-деятельный, конструктивный характер; на ведущие роли выдвигаются воображение и волевой функционал. Структура сознания значительно усложняется, конституируются отдельные формы общественного сознания: политическая идеология, правосознание, философия, наука, искусство и др. Качественно изменила и мифотворческая деятельность.

Прежде всего преодолевается стержневая особенность первобытного мифа – неразличение объекта и его образа в сознании субъекта. При этом формируется самосознание – субъект различает и противопоставляет реальный объект и его образ в своем сознании, приобретают относительную самостоятельность объективные и субъективные характеристики образа. Поэтому в культуре цивилизации всегда есть и объективно-истинное (т.е. то, что не зависит от субъекта и отражает свойства самой действительности), и воображаемое, имагинарное, в котором воображаемое превалирует над объективно-обоснованным. В имагинарном воображении (акцентируясь на новизне, оригинальности, увлекаясь ими) отрывается от реальности, «уходит» в мир фантазии, иллюзий и др. Вместе с тем, имагинарное – это неотъемлемая часть «тела» духовной культуры цивилизации. Наиболее благоприятная почва для имагинарного сознания складывается на тех этапах цивилизации, когда ведущую роль в системе общественных отношений играют природно-родовые связи, межличностные отношения, воспроизводство которых осуществляется чувственно-эмоциональным функционалом сознания. Иначе говоря, тогда, когда человек слит как со своим коллективом (родовым, хозяйственным, профессиональным и др.), так и с условиями труда, прежде всего с землей, т.е. когда его социальная сущность проявляется в ограниченной мере. Содержание имагинарного определяется условиями творческой деятельности (культурно-историческими смыслами эпохи, уровнем мышления, воображения, фантазии субъекта и др.). Они порождают и многообразие культурных форм, отличающихся балансом объективно-истинного и субъективного, воображаемого, т.е. не имеющего объективного коррелята.

Среди имагинарных структур важное место занимают принципиально не интерпретируемые эмпирическим опытом мифоподобные формы сознания. Они образуются в условиях, когда субъект не заинтересован в том, чтобы вносить в результат познания поправки на особенность своей позиции по отношению

к объекту, операции над чувственным образом не дополняются операциями над отношением объекта к субъекту. В итоге, децентрация в них не завершена. И потому образ оказывается вне логического, рационального контроля, в нем ценностно-смысловое доминирует над объективным знанием и подчиняет себе, образ насыщается чувственно-эмоциональной экзальтацией, покрывается пеленой фантастики, иллюзорности, мистицизма и др. К мифоподобным формам имажинарной образности относятся – эпос, мифопоэтика, фольклорное, обыденное, религиозное сознание и др.

Второй исторический тип мифотворчества может быть охарактеризован рядом черт. Во-первых, превращение операций в операнды мышления проявляется в условно-символической конструктивизации образов реальности, стремлении выявлять в них порядок, закономерности, отделять абстрактное из целого и др. Так, растет значение орнамента, который в ритмически повторяющемся узоре выражает как меры, границы деятельности субъекта, так и абстрактные характеристики природных объектов, их связи, порядок и др. Операциональная активность сознания создает почву для конструирования имажинарных онтологий, т.е. образов реальности за пределами чувственной наглядности. Такие образы наделяются смыслами, в которых отражаются базовые экзистенциалы потребностно-мотивационной сферы субъекта. Это, с одной стороны, энергетика, без которой невозможно воспроизводство «жизненного мира», активно-деятельное отношение миру, а с другой, зависимость субъекта от мира, порождаемая включенностью «жизненного мира» в непредсказуемые связи природной и социальной среды. Развитие смыслов идет в направлении от простейшей архетипической оппозиции «свой» – «чужой» к представлению о способности таких имажинарных реальностей непосредственно воздействовать на человека, т.е. чувству сакральности. **Мир разделяется на профанный («свой») и сакральный («чужой»).**

Во-вторых, преодолевается стержневая особенность первобытного мифа – идентификация реальности с содержанием сознания, неразличение объекта и его образа в сознании субъекта. В результате, во втором историческом типе мифотворчества мифотворчество трансформируется в формы художественно-эстетического, фольклорного, эпического, религиозного и др. творчества. Так, все три «сущностные силы» мифа (обобщенное представление, повествование, обрядово-ритуальный момент) находят свое продолжение в фольклорно-эпическом творчестве. В нем предмет и его образ в сознании уже вполне разделены, но (как и в первобытной мифологии) творческий процесс носит коллективный и бессознательный характер, т.е. вплетен в структуры повседневного существования и насыщен экспрессивно-эмоциональной составляющей. Кроме того, фольклорное творчество (как и мифотворчество) импровизационно, т.е. его образы творятся субъектом в актах их воспроизведения, не имеют однозначной интерпретации.

В-третьих, наделение имажинарной онтологии сакральностью открыло дорогу формированию религии как самостоятельной сферы сознания. Религия более рационализирована, чем мифология, и формируется как абстрактное учение о Боге, противопоставляющее непосредственную чувственную достоверность потусторонней «истине». Будучи недоступным обычному чувственному восприятию, трансцендентный Абсолют тем не менее доступен особому эмоциональному ощущению, которое полностью не выражается абстрактно-понятийными, логическими средствами. Степень рационализированности религии достаточна для преодоления мифологического отождествления предмета и его образа в сознании

человека, перехода от поли- к монотеизму и др., но ее недостаточно для полного выхода за границы мифологии. Прежде всего для преодоления убеждения в реальности сверхъестественных возможностей бытия. Поэтому религия всегда содержит некоторое мифологическое ядро (в христианстве, например, это новозаветная мифологема). Когнитивная родственность мифологии и религии состоит в том, что они не ориентированы на «децентрацию сознания», внесение поправок на особенность своей позиции по отношению к образу объекта. И в мифологии, и в религии субъект вполне «устраивает» принципиальная неинтерпретируемость образа реальности, ведь он не нацелен на выявление и осознание смыслов, интересов и мотивов своей деятельности.

При этом, в понимании перехода от мифологии к религии важно учитывать еще одно обстоятельство. Наделение имагинарного образа Абсолюта сакральностью, сверхъестественностью и трансцендентностью недостаточно для достижения устойчивого гармонизма (чувственно-эмоционального) в отношениях человека с миром. Должен быть сделан еще один шаг – имагинарный образ должен интерпретироваться как *объективная*, а не субъективная реальность. Это возможно, поскольку однозначной интерпретации продукты мифотворчества как культурной универсалии не имеют. Они могут получить любую интерпретацию. Это значит, что интерпретация Абсолюта как объективной реальности должна носить характер твердого убеждения и опираться на волевой функционал сознания, на веру, воспроизводство которой обеспечивается социальным институтом церкви.

В-четвертых, одно из направлений трансформации мифотворчества – возрастание роли тайнотворчества. Первобытный миф нес в себе образ мира страшного, и даже может быть ужасного, но не таинственного. Преобразование мифа в тайну является следствием сакральное-профанной дуальности мира, которая складывается достаточно поздно – в сознании неолитической эпохи. Тайны рождаются на мотивационном этапе формирования деятельности в условиях, когда ограничены объективные или (и) субъективные возможности становления целеполагания, когда мотив и цель уже стали относительно самостоятельными формами сознания. Тайны завораживают, увлекают, пленяют, восхищают, влекут к себе, сопровождаются ощущением «парения над действительностью» и одновременно наполняют человека тревогой и страхом. Как и миф, тайна интегрирует наглядно-образные, чувственно-эмоциональные стороны сознания, процессы мышления, памяти, воображения, воспоминания и др.

Облики тайны многообразны. В истории культуры наряду с сакральными всегда играли важную роль и профанные тайны, которые порождаются как непреднамеренными обстоятельствами (объективными – на границах познанного и непознанного, освоенного и неосвоенного деятельностью субъекта, упорядоченного и неупорядоченного, закономерного и хаотического; или субъективными – неразвитостью субъекта), так и преднамеренными действиями, отвлечением внимания от основных целей и задач (например, при охране государственных, коммерческих, личных и др. тайн). Тайна способна выступать основой коллективной стратегии, консолидировать социальные общности, управлять ими. Поэтому тайны нередко выступали скрепами этнических, профессиональных, сословных, кастовых, политических сообществ, конспиративных партий и др. Как и миф, тайна имеет и личностное измерение; она осознается как глубинная трансформация духовного мира личности. Неповторимость и уникальность жизненного мира личности делает ее тайной для

Другого. Осознаваясь как сокровенность, тяготящая человека, тайна является границей самосознания личности. Очерчивая сферу базовых смыслов и ценностей личности, тайна (подобно греху или вине) способна как формировать личность, так и разрушать ее.

В тайне сконцентрированы два экзистенциальных отношения - зависимость субъекта от объекта тайны и волевая нацеленность на преодоление такой зависимости, на раскрытие тайны. Их взаимодействие и порождает насыщенность тайны богатейшей гаммой чувственно-эмоциональных переживаний, ее способность задевать глубинные и тонкие чувственные струны, порождать токи высокой духовной напряженности, а также родственные мифу «экзотические» свойства тайны - экстазы, медитации, «трансперсональный» опыт переживания мира, «выход» в бессознательное и др. [10].

Третий исторический тип мифотворчества характерен для новоевропейского сознания эпохи Модерна (XVIII-XX вв.). В условиях техногенной цивилизации складывается когнитивно-доминирующий тип сознания, ориентированный на преимущественное воспроизводство не субъективизированных ценностей, а объективных знаний о мире («век Разума»). Здесь господствуют идеалы рационализма, вступают в антагонистические отношения научное и религиозное мировоззрения и др. Усложняется структура сознания, становятся относительно самостоятельными эмпирический и теоретический уровни познания. И хотя методологические установки классического естествознания ориентируют на элиминирование в результате познания ссылок на субъект, тем не менее отражение объекта предполагает учет условий познания, в том числе характеристик самого субъекта, его конкретно-исторических и социально-психологических особенностей. А это не может не создавать условий для воспроизводства мифотворчества. Модерн продолжал воспроизводить мифоподобные формы сознания; они занимают определенную нишу в духовном производстве, особенно в эмоционально-насыщенных ценностных формах сознания. В художественно-литературных образах (например, в мифологизме и мистицизме романтизма), нравственных идеалах и оценках, политических идеологиях и программах, включая утопические (идеалы и мифообразы Великой французской революции, различных Интернационалов и др.), возрождении архаики мистицизма в обыденном сознании (например, мода на спиритизм и др.), поисках модернизированных форм религиозного мировосприятия (например, синтез религий Запада и Востока), а также в СМИ, рекламе и др.

Четвертый исторический тип мифотворчества характерен для духовной культуры конца XX – начала XXI вв., эпохи постмодерна. Трансформировались все стороны жизни общества – характер деятельности, способы общения, тип личности, сознание людей. Деятельность все чаще приобретает игровой, имитационный характер. Развитие способов непосредственной коммуникации (Интернет, мобильная телефония и др.) изменяют тип общения – оно становится «опосредовано-непосредственным» (Возникает возможность прямого, межличностного общения всех со всеми). Система общения субъективизируется, социум фрагментируется. Уходит в прошлое личность эпохи Модерна, с ее стальной, неукротимой волей, организованностью, нацеленностью на предметное преобразование и познание мира. На смену ей приходит личность постмодерна, основополагающие ценности и мотивации которой задаются обществом потребления. Такая личность не ориентирована на конструирование объективной картины реальности, а значит, не стремится вносить в результат познания поправки

на особенность своей позиции по отношению к объекту. Ее устраивает, что образ объекта «растворяется» в чувственно-эмоциональной сфере, в субъективных переживаниях. Она вполне удовлетворена картиной мира, базирующейся на неинтерпретируемых либо плохо интерпретируемых формах знания. К тому же, повсеместное навязывание идеалов мультикультурализма, культурного плюрализма, мозаичности культуры приводит к тому, что личность не остается ничего другого, как ориентироваться на ценности лубочной масскультуры и крикливо окрашенного гламура. Это порождает цинизм и ироничность по отношению к культурному творчеству в целом, неспособность оценивать достижения цивилизации.

В итоге, сознание постмодерна характеризуется возвратом от абстрактно-понятийного мышления к формам наглядно-образного, эмоционально насыщенного, амбивалентного «клипового» сознания, слабо блокируемым рациональными структурами. Иначе говоря, сознание ремифологизируется мифотворчеством, в нем возрождаются по сути средневековые формы знаний, ценностей и поведения. Как и в Средневековье, теряется чувство реальности, «зашкаливает» легковёрность масс, люди легко увлекаются иллюзорными образами, симулякрами, верят в самые нелепые слухи (обещания быстрого обогащения в «финансовых пирамидах») и др. Правда, при этом используются другие средства коммуникации. В Средневековье она носила характер прямого общения (в церкви или кабаке), а в эпоху постмодерна в «вечную дрему» человека погружают СМИ, Интернет, социальные сети и др. Важнейшей формой неомифотворчества является реклама (торговая, социальная, политическая). Общество потребления поднимает ее роль до заоблачных высот. В рекламе, как и в мифе, наглядный смыслообраз не столько несет знания о вещи, сколько мотивирует индивида на обладание ею. Постмодерн несет возможность прямого воздействия на сознание каждого индивида (НЛП, чипирование и др.). Хотя мера и границы таких воздействий пока не вполне ясны. Это значит, что исчезает фундаментальная черта личности – свобода воли. Другими словами, неомифотворчество постмодерна можно рассматривать как «превращенную форму» сознания, в которой проявляется исчерпание волевого потенциала цивилизации. По-видимому, человечество стоит на пороге постцивилизационного мира.

Заключение (Conclusions)

Таким образом, мифотворчество – это культурная универсалия, которая в своем историческом развитии прошла четыре качественно различных этапа, для каждого из которых характерно продуцирование чувственной образности и ее неразрывную связь с личностным смыслом. Первобытное мифотворчество – это лишь первый этап эволюции мифотворчества. Его особенность состоит лишь в том, что личностный смысл мифообраза здесь был представлен в основном потребностью в перцептивном отражении мира, богато насыщенной широкой гаммой чувств, эмоций, аффектов. Это делало первобытную мифологию крайне эмоциональной. В ней кипящая бездонность человеческих переживаний обнажалась и полностью подавляла образную определенность природных форм. Аффективность еще не была заблокирована рациональностью, поэтому на первый взгляд и сложилось представление, что в первобытном мифе не было никакой мысли и логичности. Поскольку в истории сознания его пласты никогда не исчезают полностью, то новые исторически типы мифотворчества не отменяют старые, а сосуществуют с ними.

Принципиально важно подчеркнуть, что универсальность мифотворчества определяется тем, что структура личности изначально включена в познавательный функционал сознания, в том числе, в его сенсорно-перцептивный уровень. При этом, личностно-смысловая составляющая когнитивной системы не только не исчерпывает себя в ходе истории, но постоянно диверсифицируется, обогащается, расширяя тем самым возможности продуцирования (не интерпретированной, обобщенной) наглядно – чувственной образности, т.е. мифотворчества. Потому нас не должны удивлять периодические налеты исторических «волн» мифологизации культуры; возрождения архаических пластов сознания, возвраты от абстрактно-понятийного к наглядно-образным способам мышления, появление новых типов и форм мифотворчества, трансформации личностного отношения к мифу и др.

Литература

1. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алатейя. 2002. 512 с.
2. Величковский Б.М. Функциональная структура перцептивных процессов // Основы психологии: ощущения и восприятия. М.: Педагогика. 1982. С. 246–256.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, Per Se. 2000. 685 с.
4. Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., Изд. СПб ун-та, 2008. 251 с.
5. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. «Восточная литература» РАН. 1999. 198 с.
6. Горбатюк Н. WikiLeaks. Разоблачения, изменившие мир. М.: Эксмо, 2011. 208 с.
7. Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х томах. (Пер. с фр.) .М., Издательство: FreeFly 2007, 2096 с. ISBN: 5-98358-111-2; .
8. Лурья А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., «Наука». 1974. 172 с.
9. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
10. Найдыш В.М. Экзистенциальные основания тайнотворчества // Вопросы философии. 2020, № 4. С. 31–40.
11. Найдыш В.М. Мифотворчество в деятельности сознания // Вопросы философии, 2017, №5. С. 26–34.
12. Найдыш В.М. Основные экзистенциалы тайнотворчества // Миф в истории, политике, культуре Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Гл. ред. А.В. Ставицкий. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 222–227.
13. Найдыш В.М. Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М.: Альфа-М., 2012. 575 с.
14. Наука и квазинаука. М.: Альфа-М. 2008. 320 с.
15. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение. 1969. 659 с.
16. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификации и сериации. М.: Изд-во иностр. лит. 1963. 448 с.

17. Эволюционная эпистемология. Антология. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; 2012. 703 с.

18. Behar D.M. et all / The Genographic Consortium. The dawn of human matrilineal diversity // *The American Journal of Human Genetics*, 2008, V. 82, № 5, pp. 1130–1140.

19. Huff Ch.D. et all. Mobile elements reveal small population size in the ancient ancestors of *Homo sapiens* // *PNAS*, 2010, V. 107, № 5, pp. 2147–2152.

References

1. Barabanshnikov V.A. (2002) Barabanshnikov V.A. *Vospriyatie i sobytie* [Perception and the Event]. SPb.: Alatejja. 2002. 512 s. (In Russian).

2. Velichkovskij B.M. (1982). Velichkovskij B.M. *Funkcional'naja struktura perceptivnyh processov* [Functional Structure of Perceptual Processes] // *Osnovy psihologii: oshhushhenija i vosprijatija* [Fundamentals of Psychology: Sensations and Perceptions]. M.: Pedagogika. 1982. S. 246–256. (In Russian).

3. Vekker, Lev M. (2000) Vekker L.M. *Psihika i real'nost'*. Edinaja teorija psihicheskikh processov [Mind and Reality. A Unified Theory of Mental Processes]. M.: Smysl, Per Se. 2000. 685 s. (In Russian).

4. Vishnjackij L.B. (2008) Vishnjackij L.B. *Kul'turnaja dinamika v seredine pozdnego plejstocena i prichiny verhnepaleoliticheskoj revoljucii* [Cultural Dynamics in the Middle of the Late Pleistocene and the Causes of the Upper Paleolithic Revolution]. SPB., Izd. SPB un-ta, 2008. 251 s. (In Russian).

5. Arnold van Gennep. (1999) *Les rites de passage. Etude systematique des rites*. 198 p.

6. Gorbatjuk N. (2011) *WikiLeaks. Razoblachenija, izmenivshie mir* [WikiLeaks. Revelations that Changed the World]. Moscow: Eksmo, 2011. 208 p. (In Russian).

7. Claude Lévi-Strauss (1964-1971) *Mythologiques I–IV. Le Cru et le cuit; Du miel aux cendres; L'Origine des manières de table; L'Homme nu*. P. 1964-1971.

8. Lurija A.R. (1974) *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nyh processov* [On the Historical Development of Cognitive Processes]. Moscow: «Nauka». 1974. 172 s. (In Russian).

9. Maturana H.R., Varela F.J. (1984) *El Arbol del Conocimiento: Las Bases Biologicas del Conocer Humano*. Santiago: Editorial Univ.

10. Naidysh V.M. (2017) *Ekzistencial'nye osnovaniya tajnotvorchestva* [Existential Foundations of Mystery Creativity] // *Voprosy Filosofii* [Philosophy Questions]. Vol. 5 (2017), pp. 26–34. (In Russian).

11. Naidysh V.M. (2020) *Mifotvorchestvo v deyatel'nosti soznaniya* [Mythmaking in the Activities of Consciousness] // *Voprosy Filosofii* [Philosophy Questions], Vol. 4 (2020), pp. 31–40. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4-31-40 (In Russian).

12. Najdysh V.M. (2020) *Osnovnye jekzistencialy tajnotvorchestva* [The main Existentials of Secret Creation] // *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture] *Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (ijun' 2020 goda, g. Sevastopol')*. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. S. 222–227. (In Russian).

13. Naidysh V.M. (2012) *Najdysh V.M. Nauka drevnejshih civilizacij. Filosofskij analiz* [Science of Ancient Civilizations. Philosophical Analysis]. Moscow: Al'fa-M., 2012. 575 s. (In Russian).

14. Nauka i kvazinauka [Science and Quasi Science]. Moscow: Al'fa-M. 2008. (In Russian).
15. Piaget, Jean (1946) Psychologie de l'intelligence, Presses Universitaires de France, Paris.
16. Inhelder, Barbel, Piaget, Jean (1959) La genese des structures logiques elementaires. Classifications et seriations, Ed. Delachaux & Niestle, Neuchatel, Paris).
17. Jevoljucionnaja jepistemologija. Antologija [Evolutionary Epistemology. Anthology]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; 2012. 703 p. (In Russian).
18. Behar D.M. et all / The Genographic Consortium. The Dawn of Human Matrilineal Diversity // The American Journal of Human Genetics, 2008, V. 82, № 5, pp. 1130–1140.
19. Huff Ch.D. et all. Mobile Elements Reveal Small Population Size in the [Evolutionary Epistemology. Anthology Ancient Ancestors of Homo Sapiens // PNAS, 2010, V. 107, № 5, pp. 2147–2152.

Сведения об авторе:

Найдыш Вячеслав Михайлович

профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия).

E-mail: v.naidysh@bk.ru

Bionotes:

Naidysh Vyacheslav Mikhailovich

Professor, Department of Ontology and Epistemology, Peoples Friendship University of Russia, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia).

Для цитирования:

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 13–31.

For citation:

Naidysh V.M. The Archaeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 13–31.